

в) Отсутствие корреляций заметно у двух фемининных эонов «Жизнь» и «Экклесия», однако это компенсируется наличием строгих коррелятов у других персонажей гностического мифа, в т.ч. у вторичной декады Плеромы и у Кеномы в целом. При этом гностик ассоциирует себя с *Героем*.

Результаты сравнительного анализа можно считать вполне репрезентативными и убедительными, поскольку только в 3 случаях (архетипы *Героя*, *Пуэра* и *Эго*) совпадают не все, но не менее $\frac{2}{3}$ набора функций, в остальных же наблюдается их полное тождество.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что многими отечественными исследователями поднимался вопрос о гностических корнях софиологии В.С. Соловьева [12]. Так, А.Ф. Лосев насчитал восемь аспектов образа Софии в творчестве В.С. Соловьева [13, С. 209–260]. Однако, «соловьевская» София предстает совершенно иной, нежели «валентинианская». И ей не будут свойственны черты Трикстера и Гермеса. Ее образ, например, в поэме «Три свидания» (1898) корреспондирует с фемининными архетипами *Коры*, *Матери* и *Анимы* [14, С. 80–86].

Список литературы

1. Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 10. – Брюссель, 1966 (СПб., 1914).
2. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. (Записано и отредактировано Аниэлой Яффе) / пер. с нем. И. Булкиной. – Киев, 1994.
3. Юнг К.Г. Aion / пер. с англ. и лат. М.А. Собуцкого. – М.; Киев, 1997.
4. Edinger E.F. The Christian Archetype. – University of Toronto Press Inc., 1987.
5. Эдингер Э.Ф., Франц М.-Л., фон. Психологический анализ раннего христианства и гностицизма / пер. с англ. Л. Колтуновой и М. Королевой. – М., 2016.
6. Хёллер С. Юнг и гностицизм / пер. с англ. – М., 2018.
7. Hoeller S.A. The Gnostic Jung and the Seven Sermons to the Dead. – Theosophical Publ. House, 2009 (1982).
8. War, Progress and the End of History. Three Conversations. Including a Short Story of the Anti-Christ by Vladimir Solovyov / Afterword by S.A. Hoeller. – Lindisfarne Press, 1990.
9. Поснов М.Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. – Брюссель, 1991 (Киев, 1917).
10. Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства / пер. с др.-греч., предисл. и коммент. Е.В. Афонасина. – СПб., 2002.
11. Давыдов И.П. Функциональный анализ образов архетипов коллективного бессознательного // Барашков В.В., Бурнашева А.А., Винокуров В.В. и др. Magnum Ignotum. Т. 4: Психология религии и психоанализ / под общ. ред. И.П. Давыдова. – М., 2017. – С. 98–147.
12. Козырев А.П. Соловьев и гностики. – М., 2007.
13. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – М., 1990.
14. Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 12. – Брюссель, 1970 (СПб., 1914).

К ВОПРОСУ О ПОЛИФОНИЧЕСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ШЕДЕВРЕ В.С. СОЛОВЬЕВА

Дидык М. А.

кандидат философских наук, доцент

*Институт философии и социально-политических наук Южного федерального
университета*

(Ростов-на-Дону, Россия)

Не прошло и столетие со времени выдающегося открытия М.М. Бахтина [1] по поводу полифонического романа Ф.М. Достоевского, как стало практически невозможным представлять его творчество, его философию вне ключевых категорий, с этим понятием связанных. Тема «полифонии» захватила различные круги гуманитарного знания и уже не

десятками и не сотнями, а тысячами исчисляются труды, посвященные различным аспектам открытия М.М. Бахтина, преимущественно в американской литературе.

А что в России? Какой отклик получило оно в русской историко-культурной исследовательской традиции? Тема полифонии вошла в отечественную литературу и пропустила через эту модель нового мышления разные литературные произведения и авторов, где главной идеей стал поиск философских смыслов в экзистенциальном пространстве человека как существа личностного и свободного. Таким образом, наблюдаемая концентрация философского многоголосья в нефилософском и подвела к этому новому уровню романного жанра, не укладывающегося «ни в какие рамки», не подчиняющегося «ни одной из тех историко-литературных схем, какие мы привыкли прилагать к явлениям европейского романа» [2, с. 12–13].

Но, возникает вопрос: а можно ли говорить о чисто *философском* выражении бахтинского полифонического стиля применительно, например, к самой русской философии? Другими словами, можем ли мы найти подобное философское многоголосье, полифонизм в самой философии.

В докладе будет сделана попытка представить данную тему в несколько ином от общепринятого историко-философском контексте. Общеизвестно влияние Ф.М. Достоевского на В.С. Соловьева, но попытки «примерить» полифоническую модель на его философию мне не встречались. Однако же стоит упомянуть о «полифонии мысли» как особой, впервые возникшей ситуации второй половины XIX века, где произошло формирование-складывание философских и социальных течений, создававших в полемике «общий тонус философского мышления», и «необходимое для его живого развития многообразие идей в русской мысли», представленной М.Н. Громовым [3, с. 475] при описании русской философии. В этой полифонической «ситуации» наряду с политическими течениями (анархизм, народничество, позитивизм, материализм, неокантианство, марксизм) оказались и философствующие литераторы (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), а также Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Н.Ф. Федоров и философия в духовных академиях. Особая роль принадлежит двум фигурам – А.С. Пушкину и В.С. Соловьеву. «Если вершиной поэтического дара в литературе 19 в. явился А.С. Пушкин, то вершиной философского духа стал Вл. Соловьев, первый оригинальный русский философ общеевропейского масштаба» [3, с. 475].

Вершина философского духа в России на вершине своей философской мысли завершает, по сути, свой путь невероятным шедевром – «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Работа складывается не обычным способом, а проходит ряд этапов, приближающих к возникновению данного текста. В.С. Соловьев, описывая в предисловии эту необычность как поиск особой «удобной формы» для освещения «жизненного вопроса», крайне важного не только для «способных и склонных к умозрению», но и для всех, указывает на несколько заходов к этому своему труду. Первый осуществился «в трех первых главах теоретической философии» (1897, 1898, 1899), второй – «весной 1899 года, за границей, разом сложился и в несколько дней написан первый разговор об этом предмете, а затем, по возвращению в Россию, написаны и два других диалога» [4, с. 5]. К разговорам были добавлен ряд статей, опубликованных в газете «Русь» (1897, 1898). А также еще одним важным моментом является и «последний штрих» завершающий работу – предисловие, датированное 1900 годом и Светлым Воскресеньем¹.

Это вполне объясняется тем, что «как известно, реальный разговор, в отличие от литературно оформленного диалога, возникает неожиданно, стихийно. Он потенциально незавершен, т.е. остается пространство для его возобновления» [5, с. 193]. И здесь уместно сослаться на исследования о «сфере разговора» Т.Г. Щедриной, в частности применимых к этой работе В.С. Соловьева [6, с. 34–42]. Ее анализ показывает, что «разговор становится формой, моделью, в рамках которой Соловьев осуществляет контекстуальное исследование конкретной идеи», однако особое внимание уделяется противопоставлению «разговора» и

¹ Если предположить, что речь идет о Пасхе, то это 22 апреля 1900 года, а, следовательно, всего лишь за несколько месяцев до безвременной кончины великого русского мыслителя В.С. Соловьева.

«диалога», а также введение Соловьевым еще одной формы повествования – рассказа. Такой разговор представляя собой особую «модель философской интерпретации», допускающей «объемное видение предмета исследования», позволяет, с одной стороны, увидеть, соотнести, противопоставить множественность и вариативность, а, с другой – «целостное единство». «Именно в разговоре эта множественность интерпретаций выступает как отблеск intersubъективного смысла проблемы».

А поскольку «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов, действительно, является основной особенностью романов Достоевского» [2, с. 12], то замечательно, что *подобная полифония наблюдается* и в «Трех разговорах...» В.С. Соловьева.

Таким образом, подводя общий итог в постановке проблемы и выдвижении нашей гипотезы можно сказать: если Ф.М. Достоевский, по Бахтину, – создатель нового романного жанра, творец полифонического романа, то В.С. Соловьев – создатель нового, особенного типа разговорного жанра. А именно: он – творец философского полифонического разговора.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – Л. Прибой, 1929
2. Бахтин М.М. Собрание соч. в семи томах. Т.2. – М.: «Русские Словари» 2000. – С 12–13.
3. Громов М.Н. Русская философия. Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2010, т. III.
4. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. – М.: «Товарищество А.Н. Сытин и К». Фирма «ПИК», 1991.
5. Щедрина Т.Г. «Разговор» с философом (По материалам семейного архива Густава Шпета) // Вестник культурологии, 2003, с. 193.
6. Щедрина Т.Г. Смысл «разговора» в концепции Владимира Соловьева (этюда по философской интерпретации) // Соловьевские исследования. Периодический сборник научных трудов. Выпуск 5. Иваново, 2002. – С. 34–42.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ И ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ КАК ДВА ТИПА ХРИСТИАНСКИХ ФИЛОСОФОВ

Едошина И.А.

*Доктор культурологии, профессор
Костромской государственной университет
(Кострома, Россия)*

УДК 1(091)

В тезисах Владимир Соловьёв и Павел Флоренский рассматриваются как два типа религиозных мыслителей. В качестве основы для типологических наблюдений взята статья В.С. Соловьёва «Платон», написанная для «Энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона и прочитанная П.А. Флоренским еще в гимназические годы. В результате автор тезисов приходит к выводу, что во Владимире Соловьёве и Павле Флоренском воплотились два варианта христианских философов. Их объединяет глубокое религиозное чувство, но у Владимира Соловьёва чувство это не носит конфессионального характера, отсюда идея всеединства, вселенской церкви. Павел Флоренский принял хиротонию и стал священником русской православной церкви. Владимир Соловьёв как философ в своих трудах утверждал необходимость связи философии с жизнью, Павел Флоренский эту связь осуществлял в своей деятельности во всех ее разновидностях.